

ДОМ ПОЭТА

О деревне Блудново, о Бобришном угоре близ нее
я узнал из книги «Босиком по земле».

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным угором.

В получасе шаганья
От деревни Блудново
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.

В стихах говорилось о том, что на Бобришном угоре справляет «новоселье» поэзия. «Избушка» стала приютом Александра Яшина, каждое лето приезжавшего сюда отдыхать и работать. Отдыхать от городской суеты, от «клубного шмыганья», как скажет он потом, работать над новыми стихами, писать прозу, которой все больше внимания отдавал в последние годы жизни.

Метафора «...и поэзия справит здесь свое новоселье» имела объемное значение. Об этом нетрудно было догадаться еще по предыдущей книге Яшина «Совесь». В ней на звенящей ноте прозвучали вопросы себе: «Туда ли плыву я? Так ли живу?». «Новоселье» означало и перемену климата, творческого поведения (по Пришвину), и обновление поэзии.

На Бобришном угоре
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.

От природной исходности, которая, конечно же, подразумевает и исходность нравственную, Яшин и начал «снова». Так ему казалось. Так оно отчасти и было, если иметь в виду крутой нравственный перелом, который явственно обозначился в книгах «Совесь» и «Босиком по земле».

Я написал рецензию на книгу «Босиком по земле» для журнала «Москва» и высказал эту мысль, подтвердив ее разбором нескольких стихотворений. Мне сказали, что Яшину рецензия понравилась.

Вскоре мы познакомились. Так уж случилось, что, много лет хорошо зная друг друга, имея общих друзей,

А. Я. Яшин.

земляков, знакомых, общие точки соприкосновения, мы не были знакомы с Александром Яковлевичем.

По поводу рецензии он сразу же заметил, что я неправильно понял стихотворение «О безответной любви», что оно не о любви к женщине, а о любви к родине, к земле, к жизни. Я отговорился комплиментом:

— Но если я прочел его как стихотворение о любви к женщине, значит, оно сильно написано. Помните, у Блока о России: «жена моя!»?

— То у Блока, — смутившись от такого сравнения, стал возражать Александр Яковлевич. — Что позволено гению, то не может себе позволить рядовой поэт, у него такое сравнение покажется искусственным, неуместным.

— А все-таки ваше стихотворение не однозначно, оно дает основания и для такого прочтения, как мое...

Когда мы вместе еще раз прочитали стихотворение «О безответной любви», Яшин отступил перед моими доводами и, искренне удивляясь, говорил:

— Как же так получается: пишешь об одном, а читается другое?

— Но, может быть, во время написания в подсознании возникали все-таки иные ассоциации, только не закрепились в конкретном образе?

— Может быть, может быть... — соглашался Яшин. — Сейчас это трудно восстановить, в творческом акте не все поддается логическому объяснению.

Этот разговор хорошо запомнился потому, что он был, по сути дела, первым нашим разговором при знакомстве, не считая слов чисто ритуальных и также объяснений по поводу затянувшегося незнакомства. Вспомнился же он потому, что характерен для Яшина: только что познакомившись с человеком, к рецензии которого на его книгу он отнесся одобрительно, Александр Яковлевич начал не с похвалы, а с несогласия, то есть сразу вступил в полемику. Человек прямой и даже резкий, он не любил двусмысленности в отношениях с людьми и обычно сразу выяснял разногласия, устранял неясности. Иногда это приводило к решительным расхождениям, иногда — к согласию. Яшин был неуступчив в споре, когда дело касалось выношенных убеждений, но он не был упрям и прислушивался к доводам оппонентов. Нередко и сам искал совета, если чего-либо не мог решить, в чем-либо сомневался. Так,

например, просил меня прочесть «Алену Фомину» в издании 1959 года с купюрами, и откровенно сказать, стоит ли ее включать в двухтомник. Позже я узнал, что насчет этого он советовался еще с несколькими своими друзьями.

Начало шестидесятых было, может быть, самым трудным, самым драматическим временем не только в духовной, творческой, но и в личной жизни Александра Яшина. На это время пало нравственное переосмысление всей прожитой жизни, всего написанного, в это время критика жестоко и несправедливо отозвалась о его повести «Вологодская свадьба». В это время Александр Яковлевич пережил трагические потери близких...

Нужна была кремневая выдержка, сила характера, полная внутренняя мобилизация, чтобы устоять перед ударами судьбы, чтобы не дрогнуть и в то же время критически переосмыслить свой жизненный и творческий путь, обновиться душой и работать, писать и жить общественными интересами.

В это время дом на Бобришном угоре, в получасе ходьбы от родной деревни Блудново, где родился поэт и вырос, где и сейчас живут мать и сестра, стал гаванью спасения от девятого вала житейской бури. Яшин возвратился к своему детству и отрочеству. Здесь можно было ходить босиком по земле.

Без страха брожу по осоке,
По гальке,
Через поля.
Шипов не боюсь на тропке...
Все лишние электроток
Берет из меня земля.

А с ними,
Почти бесследно
Рассасываясь, как вода,
Все злое,
Дурное,
Вредное
Уходит в песок навсегда.

Таково, по признанию поэта, целительное действие родной земли, природы, встречи с детством, таково целительное действие Бобришного угора.

Яшин завещал похоронить его здесь, на Бобришном угоре, на берегу Юг-реки, возле домика, в котором он жил. Когда в последний раз приехали к нему в боль-

ницу по его просьбе друзья из Никольского района, он отослал из палаты жену свою Злату Константиновну и, как рассказывает один из этих друзей Вадим Каплин, сказал:

— Мы тут мужчины и будем говорить напрямик. Надежды у меня нет никакой. О новой операции уже не говорят. Прошу исполнить мою последнюю волю — похоронить на Бобришном угоре. Место я указал сестре — у трех берез.

Не однажды бывал я у Яшина в больнице, вернее, в институте на Каширском шоссе, откуда он лишь один раз делал побег с дочерью Наташей, когда еще чувствовал себя сравнительно сносно, но откуда уже не вышел. В первый раз, я помню, мы были там с Федором Абрамовым, который специально приехал из Ленинграда навестить Яшина в больнице. Я знал, что перед этим меж ними пробежала какая-то кошка. Большие друзья, особенно близко сошедшиеся в нелегкое для обоих время критических нападков, они вдруг отдалились, стали чураться друг друга. Я не мог понять, что произошло, да и не старался. Оба они, не любители интриг, словесных пересудов, молчали об этом. Несчастье одного должно было повернуть и повернуло отношения в прежнее русло. Только в первый момент встречи в больнице еще можно было заметить некоторую неловкость, но как только разговор перекинулся на Бобришный угор (дело было весной, в мае), где Абрамов подолгу гащивал у Яшина именно в те трудные времена, так неловкость сразу же словно испарилась. Лица оживились, в глазах Яшина, уже глубоко запавших, начали проскакивать такие знакомые озорные искорки. Это была встреча старых друзей. И она даже была скреплена шампанским: Александр Яковлевич тоже выпил глоток, разведав шампанское минеральной водой...

Но ни в этот раз, при Федоре Абрамове, ни после, когда я бывал у Яшина в палате один или в присутствии его жены, детей, знакомых, даже Василия Белова, которого он любил, как сына, и глубоко, страстно верил в его особое предназначение в литературе, — он ни разу в разговорах о Бобришном угоре не обмолвился насчет своей последней воли. Видимо, тема была слишком интимной для Яшина, чтобы посвящать в нее хоть и принятого в сердце, но еще недостаточно

близкого, недостаточно испытанного в дружбе человека.

Смерть, даже когда она неотвратима, предсказана авторитетнейшими светилами медицинской науки, всегда пугающе неожиданна. Неожиданной была и смерть Яшина, с которым я виделся за неделю до 11 июля, дня исхода. Неожиданной, поскольку я не знал об этом раньше, была и весть о том, что хоронить его повезут на родину, в Никольский район Вологодской области, на его Бобришный угор.

А обстоятельства сложились так, что поехать туда я не смог. Не смог поехать и после, когда состоялось открытие памятника в районном центре Никольске, во дворе школы, где учился Яшин. Через шесть лет после смерти поэта, в июне 1974 года, мне удалось, наконец, совершить эту поездку в яшинские места, пройти той дорогой, которой хаживал он от Блуднова на Бобришный угор и которой несли гроб с его телом земляки в день похорон, побыть в «Доме поэта» (так гласит мемориальная доска), в молчании постоять над его могилой.

Шесть лет в нашей необычайно динамической жизни срок не такой уж малый, многое изменилось здесь с тех пор, если вспомнить некоторые стихи Яшина и его «Вологодскую свадьбу», но как же много узнаваний, как легко вспоминаются яшинские строки и строфы, когда попадаешь в эти удивительные по своей спокойной и могучей красоте места!

Добираться сюда не так-то просто, хотя при современных средствах сообщения, да еще летом, в сухую погоду, многие сложности устраняются. Никольский район расположен на востоке Вологодской области. Но и для меня, привыкшего к просторам Архангельской области и Ненецкого округа, путь не показался близким: два часа на «аннушке», маленьком пассажирском самолете Ан-2 от Вологды до Никольска.

Верно мне сказали ребята из молодежной газеты в Вологде, что имя Яшина в Никольске открывает все двери. Сам-то я не любитель толкаться во все двери, но тут стоило только приоткрыть одну — редактора районной газеты, как остальные стали открываться чуть ли не сами собой. Те, которые нужны.

Никольск — небольшой патриархальный город, если судить по нынешним меркам. Издавна считался симво-

лом провинциального захолустья. Так говорят вологжане. И «славен» он был серебристой рекой Юг, дальними и ближними борами, льном, лаптями, церковью да острогом. И еще я узнал из книги В. Малкова «По земле вологодской», что на месте нынешнего Никольска жили когда-то чудские племена и что родная деревня Яшина Блудново называлась тогда Чуцкое дворище.

Расположенный в стороне от больших дорог, глухой и малонаселенный край этот служил прежде пристанищем для беглых холопов, а позднее — местом политической ссылки. Да и ныне он пока не имеет ни промышленности (кроме местной), ни привлекающей туристов старины, какая есть, например, в Великом Устюге, — вот и стоит он, затерянный в вологодской глубинке.

Но никольчане блюдут свое достоинство, они при случае напомнят, что городок-то их не какой-нибудь выскочка, что существует он уже около двухсот лет. В документах так и значится — сам читал, — что указом Екатерины 16 августа 1781 года из села Никольское образован был уездный — Вологодской губернии — город Никольск. Для увеличения населения города приказано было крестьян близлежащих деревень Борисова, Варламцева, Вахрамеева и Мелентьева переселить в город. Из черносошных крестьян они были переименованы в мещан.

В прошлом и начале нынешнего века достопримечательностью Никольска было уездное духовное училище. В районной библиотеке хранится книжка «История Никольского духовного училища», составленная Иаковом Доброумовым. Она чрезвычайно любопытна своею статистикой, документами, конкретными фактами из жизни бурсаков. Видно, что в Никольск попадали и образованные люди.

Попадали, конечно, и помимо училища. Был сюда сослан за участие в революционном движении Н. В. Шелгунов. В семидесятых годах по этапу сюда был доставлен известный впоследствии путешественник, географ и этнограф Григорий Николаевич Потанин. По его инициативе здесь была создана библиотека (вначале из пятидесяти книг). Она носит имя Г. Н. Потанина и недавно отметила свое столетие.

Г. Н. Потанина здесь чтут как ученого и просвети-

теля, демократического деятеля, обратившего взгляды передовых людей России на тяжелое положение крестьян в Никольском уезде, на темноту и невежество как следствие полного равнодушия властей к просвещению народа. «Никольский уезд, — писал Г. Н. Потанин в журнале «Древняя и новая Россия», — если и не самый безграмотный в России, то, по крайней мере, один из самых безграмотных... Здесь пишут на досках бересты прошения лешим и прикалывают их в лесу; такие прошения пишутся, если у кого потеряется лошадь и если подозревают в конокрадстве самого лешего...»

В каждой деревне, по свидетельству Г. Н. Потанина, были колдуны, наводившие страх на крестьян. Их настолько боялись, что, улещивая, задабривая, приглашали, скажем, на свадьбу и сажали на самое почетное место рядом с женихом и невестой. И это было всего сто лет назад!

Но в то же время ученый писал, что народ никольчане энергичный, трудолюбивый, то есть имеющий главные задатки для обновления жизни. Что это так, не трудно увидеть ныне. Отсталый и темный уезд в прошлом, теперь Никольский район поставляет стране более полумиллиона кубометров древесины, производит большое количество сельскохозяйственной продукции, в том числе льна, продуктов животноводства. Здесь, как и везде, есть богатые колхозы, замечательные передовики колхозного производства, мастера леса.

И еще никольчане напомнят вам, что первым военкомом уездным во время гражданской войны был в Никольске прославленный впоследствии маршал И. С. Конев, что отсюда вышли Герой Советского Союза В. М. Павлов и летчик-космонавт П. И. Беляев. Не говорю уже про поэта Александра Яшина, ибо цель моего приезда была собеседникам известна.

Да, районный центр Никольск выглядит еще патриархально: во дворах поют петухи, лениво побрехивают и обмахиваются хвостами собаки, «патрулирующие» улицы... Но, вздымая облака песчаной пыли, проносятся мотоциклы и автомашины, а при въезде в город пост ГАИ тщательно следит за выполнением правил вождения транспорта. Присмотритесь внимательнее к этой жизни в ее внутреннем, подводном течении, и вы увидите сегодняшний день ее, отражение тех же насущных забот и проблем, которыми живет весь народ.

Я несколько раз заходил в редакцию районной газеты «Авангард», был в райисполкоме, в отделе народного образования — везде ощущается деловитая сосредоточенность, четкая, без нервозности, привычка решать организационные вопросы.

С разрешения заведующего отделом народного образования Александра Александровича Куваева я провел около часа в его кабинете, когда он принимал посетителей. Конец учебного года, выпускные экзамены, отпуска, ремонт школ, перевод учителей из школы в школу, пионерские лагеря... Даже перечислить невозможно все вопросы, которые возникали в разговорах, и их надо было решать тут же, немедленно.

Куваев здесь свой человек, никольчанин, он семь лет директорствовал в той школе, где сейчас открыта комната-музей А. Я. Яшина, и был главным организатором музея — об этом я еще расскажу подробнее. Сейчас же на посту заведующего роно он, как мне показалось, прекрасно знает расстановку учительских кадров в районе, нужды школ и проявляет удивительный такт в разговорах с учителями по самым острым и принципиальным вопросам.

Жизнь в Никольске идет в том ритме, с тем общественным накалом, с тем ощущением времени, которое заметишь и в заводских поселках, и в крупных административных и культурных центрах при всей специфике конкретных ее проявлений.

Куры еще бегают на окраинных улицах городка, и петухи поют, как пели, очевидно, и при Екатерине, пожелавшей превратить село Никольское в уездный город; а на этих же окраинных улицах тебя, незнакомого приезжего человека, поприветствуют с поклоном, поздороваются с тобой. Пусть бы и дальше так было, ибо ни куры в маленьком городке, ни простота нравов, ни радушие жителей — не помеха цивилизации.

Никольск, хотя и постепенно, меняет свой облик. Строятся дома, у въезда в город стоит белоснежное здание новой школы, построены магазины, комбинат бытового обслуживания, работает Дом культуры. Сосед мой по номеру в гостинице, работник областного управления связи, сказал, что в ближайшее время здесь будет установлена автоматическая телефонная станция.

В эти дни, накануне выборов в Верховный Совет СССР, здесь, в Никольске, находился и выступал пе-

ред избирателями кандидат в депутаты Совета Союза, первый секретарь Вологодского обкома КПСС товарищ Дрыгин. В своем выступлении он развернул широкие перспективы развития народного хозяйства и культуры Вологодской области, и в том числе Никольского района. Из самого глухого, забытого богом и людьми уезда Вологодской губернии Никольский район превращается в район передового сельскохозяйственного производства и развитой лесной промышленности. Городская культура проникает в села района. В том самом родном Яшину Блуднове, где еще не так давно не было электричества, сегодня колхозники смотрят по телевидению передачи из космоса.

Напрасно некоторые торопливые критики корили Яшина за то, что он в «Вологодской свадьбе» показал черты старого, отживающего быта. Писатель трезво смотрел на вещи, дальше видел, лучше понимал, что это явления прошлого. Ведь даже в природе все меняется в свое время.

В недрах старого быта меняется жизнь — вот что важно заметить, и Яшин заметил это: «Те же избы, те же печи, так же полон рот забот, но совсем иные речи: век не тот, не тот народ!» Вот что главное!

И уже после этого он отметит внешние перемены, порадуетя тому, что «в Блуднове появилось радио», выскажет уверенность, что когда-нибудь «сбудется все остальное». Помимо собственного контекста «Вологодской свадьбы» как очерка нравов, черты быта, показанные в ней, надо видеть и в контексте всего творчества Яшина 50—60-х годов.

Именно так и читается «Вологодская свадьба» сегодняшней критикой. А что касается областного руководства, то, к чести его надо сказать, оно проявило немало такта и внимания по отношению к писателю, чтобы сгладить резкость критики. Последние годы жизни Яшина прошли под знаком глубокого уважения и доброжелательства со стороны руководителей области, а в районном руководстве у Яшина были личные друзья.

Сейчас, конечно, легко судить да рядить, что и как, а было время, когда добраться до истины мешали старые предубеждения. Время все ставит на свои места. То глубочайшее уважение к творчеству и памяти своего земляка-поэта, которое проявляется в Вологодской

области, красноречивее всяких слов и заверений говорит о его популярности. Могила и Дом поэта на Бобринском угоре стали местом паломничества многих людей не только из Никольского и близлежащих районов, но и приезжих по случаю, в командировку или на отдых, а иногда и специально, ибо есть у Яшина свои поклонники в разных городах и весях России...

На Бобринский угор я поехал в тот же день, как прилетел в Никольск. В редакции мне сказали:

— Не надо терять времени, пока дорога подсохла, а то участок от шоссе до Блуднова во время дождей становится непроезжим, придется топать по грязи пешком.

Что ж, ехать так ехать, тем более что сопровождать меня вызвался человек, с которым я мечтал познакомиться, которого знал по стихам и прозе, по устным рассказам Яшина, — Вадим Каплин. Что и говорить, он не произвел впечатления медвежатника, как нарек его Александр Яковлевич. Районный газетчик, не шибко разговорчивый, пишущий, как мне сказал Иван Полуянов, неплохие охотничьи рассказы, он все же достаточно крепок, приземист, уверенно стоит на ногах. Присмотришься и видишь: такой может и на медведя пойти.

Идти с нами вызвался учитель Долгин, тоже никольчанин, работающий, кажется, в Ижевске, приехавший сюда в отпуск и, конечно, захотевший посетить Дом поэта.

Путь до Блуднова, сравнительно благополучный, ушел на то, чтобы постепенно завязать разговор с Каплиным. Поэтому я и не заметил, как машина, вздрогнув на выбоине, остановилась перед жердевой изгородью, по-старинному окружающей деревню, чтобы скот не травил посевы. Водитель вышел из машины, отвел широкие, из жердей же сделанные ворота, и мы въехали в Блудново.

Сизые приземистые северные избы с поветями и новые с неуспевшими еще посереть крышами и резными наличниками окон, свежий тес перед окнами, заготовленный на смену крыш, срубы новых бань, что будут поставлены к зиме, чумазы детишки и брюхатые молодые бабы — все как и водится в любой северной русской деревне. А вот покинутых домов я не видел.

Вот и дом с мемориальной доской, дом, где провел

детские годы Яшин, дом, уже испытавший на себе разрушительное действие времени, но еще крепкий, способный выдержать его напор не одно десятилетие.

Дом отцовский — как он был высок,
А теперь смотрю:
Изба избою!
Как в блиндаж, ступаю за порог,
Стукаясь о верхник головою.

Заходим в избу. Нас встречает Александра Антипьевна Горчакова — сводная сестра Яшина (в семье Яшиных все ее называют Саней), женщина приветливая, радушная, речистая. Она сейчас является «главным зрителем» Дома поэта на Бобришном угоре, она и сопровождала нас туда.

Живостью, молодым блеском глаз из-под низко на-двинутых век поразила нас (меня, по крайней мере) мать Яшина — Евдокия Григорьевна. На вопрос о возрасте она, как и всякая женщина, ответила неопределенно:

— А на девятый десяток идет...

И не успели мы сообразить, что происходит, как эта старая сгробленная женщина с трясущимися руками подхватила кипящий самовар и проворно — видно, что дело это привычное для нее — поставила его на стол.

— Что же вы не сказали, Евдокия Григорьевна... — начал было я, но по недоуменному взгляду, по искорке в глазах (вот она откуда у Яшина!) понял, что говорить тут не о чем.

А Александра Антипьевна по дороге на Бобришный сказала:

— Мама у нас хоть и стара, а все сама делает, все у ей при себе, няньки не надо. И умом не слаба.

Крепка яшинская порода. И не только силою характера, силою духа, но и физически. Я думаю об Александре Яковлевиче: если бы не проклятая болезнь...

Приближаясь к Бобришному угору, я очень волновался: поэтический образ определенного места, созданный художником, дополненный твоим воображением и уже закрепленный в этом сочетании памятью, иногда не совпадает с тем, что увидишь на месте. То время меняет его облик (так, мне кажется, изменился тургеневский Бежин луг), то состояние не позволяет увидеть его таким, каким когда-то увидел художник.

Я приближался к Бобришному угору, и строки яшинских стихов о нем перемежались в памяти со строками вдохновенного лирического эссе Василия Белова, которое так и называется — «Бобришный угор» и которому предпослан эпиграф, четверостишие из Яшина:

В глаза, будто память о детстве,
Зеленые глянут места,
Добру откроется сердце,
И совесть будет чиста.

Мы пробыли на угоре до позднего вечера, бродили по Чистому бору, обступившему домик, спускались по крутому откосу на берег Юг-реки и там, на берегу, варили уху на том самом кострище, где варивал ее Александр Яковлевич. Еще и еще раз заходил я в дом, осматривал вещи в нем, а потом ходил вокруг...

Все это время я находился в каком-то тройном плену. Во-первых, пленяет сам Чистый бор вокруг и эта небольшая поляна на высоком угоре с белеющим на ней веселым сосновым домиком, крутой спуск к реке, ее изгиб напротив, тишина и удивительное чувство покоя, во власть которого ты попадаешь. Во-вторых, — яшинские строки, которые кажутся будто сейчас написанными:

Чистый бор — он мелколесьем был,
Не годился даже для охоты,
А какую гриву распустил —
В поднебесье хвоя — будто соты.

Не только, конечно, эти стихи, но и другие восстанавливали в моем воображении уже здесь, на месте, картины обживания поэтом этого прекрасного уголка земли. Наконец, беловское ощущение Бобришного угора и этого леса: «...он был с нами добр, широк, был понятен и неназойлив, от него веяло родиной и покоем, как веет покоем от твоей старой и мудрой матери...» Прочтите хотя бы небольшой отрывок о том, как Белов впервые увидел это место, и вы поймете, как велико обаяние картины, созданной им, как обширна ее власть над душой читателя, даже когда он увидел этот лес въяве, хоть и в ином состоянии.

«Волнуясь, я перелез осек — высокую изгородь, которая определяет границы лесных выпасов, и увидел опять, как дорога, словно не желая быть назойливой, ушла куда-то вправо. Еле заметная тропка ответвилась

от нее и пропала, а в нетревожных сумерках, в этом готовящемся к ночному покою лесу я увидел домик. Домик с белым крыльцом на Бобришном угоре. Он стоял на неширокой полянке, осененный спящими соснами. Трава вокруг его рубленых стен белела цветочками земляники. Она, эта ягода моего детства, особенно густо, белой полосой, цвела позади домика; я стоял на одном месте, боясь переступить и растоптать хотя бы одну звездочку из этой белой полосы. Млечный путь далекого деревенского детства... Тотчас же родилась где-то между ключицами и остановилась в горле жаркая нежность к этим звездочкам. Я присел на корточки, сжимая зубы, погладил теплые травяные пряди. И тут же с гнусной издевкой изловил себя на сентиментальности. Стыдясь чего-то, проглотил щемящий горловой комок, одумался. Но, собственно, зачем было одумываться? На секунду родилось мерзкое чувство отвращения к самому себе, и я в несколько затяжек прикончил горькую сигарету. Но домик на Бобришном угоре был печален и ясен. Он легко, с непринужденной и незаметной для меня властью вернул мне прежнее состояние, навеянное гармонией широкого засыпающего леса. И я опять долго смотрел на земляничную россыпь. Казалось кощунством бросить окурок в эту первозданную чистую траву, я затолкал его в спичечную коробку. Наверное, огонь не был погашен до конца, потому что спички вдруг вспыхнули, и запах жженой селитры заставил меня ощутить, как легко, незаметен, как чист воздух здесь, на Бобришном угоре».

Ловлю себя на том, что мне не хочется обрывать цитату, что хочется даже не цитировать, а читать вслух эту благоуханную, словно напоенную запахами бора прозу, столь свободно и доверительно исторгнутую из самых интимных глубин сердца. Но чтобы уверить вас, читатель, как действительно велика целебная сила и этого бора, и всего этого уголка земли, как он поглощает человека, как неотразимо было его воздействие на Яшина, скажу еще и о признании Белова, пережившего нечто подобное, скажу его же словами: «Мы удим, а это значит, что мы уже как бы и не мы, мы растворились, сравнялись с вечной природой, произошло то самое слияние с рекой, с кустами и травой, с небом, ветром и птицами, когда забываешь самого себя. Мир снова стал цельным и гармоничным, как в раннем дет-

стве, когда мысль о конце еще ни разу не ознобила душу своим безжалостным инеем».

Отношение Белова к Яшину, каким оно представляется по его лирическому эссе «Бобришный угор», это отношение ученика к учителю. Только не надо видеть за этим литературного ученичества, хотя известно, что именно Яшин настойчиво советовал молодому поэту Василию Белову писать прозу. Творчески они независимы друг от друга.

«Выстоять, не согнуться учусь у тебя. Пока есть ты, мне легче жить», — вот признание младшего старшему, сделанное при жизни. Я знаю, Яшин платил Белову отцовской, трогательной и нежной любовью и чрезвычайно высоко ценил его как писателя, подчас для сравнения не щадя себя, — это при его-то гордости и достоинстве!

А Белов в «Бобришном угоре» исповедуется перед Яшиным в самом сокровенном, о чем человек думает лишь наедине с собой, он советуется со старшим товарищем, с Учителем, но не в качестве школяра, а как равный с равным, хотя и признающий превосходство опыта. Опыт и характер — вот достоинства Учителя. Белов спрашивает его о том, о чем больше, пожалуй, никого не спросит; и даже не спрашивает он, а высказывает догадки и ищет им подтверждения у старшего друга, и они, эти догадки, касаются жизненно важных, мучительно тревожных взаимоотношений писателя с народом, с людьми, со своими земляками...

Много чего можно было бы сказать по поводу лирического воспоминания Василия Белова о Бобришном угоре, настолько это воспоминание сливается с собственными ощущениями, вернее даже, диктует сходные ощущения, вызывает в памяти яшинские слова о Белове. Трогательным знаком дружбы двух писателей остался деревянный стол на подставке из корневища, умело сработанный Беловым и стоящий в левом переднем углу в Доме поэта. Такой же при нем и табурет — тоже на корневище, устойчивый, тяжеловатый.

В доме вещей немного, тут — господство дерева. Светло поблескивают обтесанной сосной стены. Кроме стола и табурета — деревянная скамеечка, топчан. А посередине — печь. В самодельном деревянном шкафу книги. Их немного. Тут же бумага, письменные принадлежности.

Еще по дороге на Бобришный угор я рассказывал моим спутникам, что, когда Яшин, уже будучи тяжело больным, в последние недели своей жизни не мог принимать никакой пищи, он вдруг попросил пива. В это время как раз один мой товарищ приехал из Финляндии и привез в качестве сувенира две небольшие бутылочки финского пива. Когда он пригласил меня отведать этого пива (а мы жили в одном доме), то я не сразу вспомнил о Яшине, и лишь взгляд на вторую, еще не открытую бутылку напомнил мне о больном поэте. Объяснив товарищу, в чем дело, я и отправился с оставшейся бутылкой на Каширское шоссе.

— Не та ли это бутылка, — перебил мой рассказ оживившийся вдруг Каплин, — которая находится в домике?

И верно, в домике, справа на лавке, лежит та самая бутылка из-под финского пива, из которой, как вспоминают родные, Александр Яковлевич то ли накануне, то ли в день смерти выпил последний глоток пива. И эта пустая, в общем-то и не обязательная в Доме поэта бытовая вещь вдруг резанула по сердцу так живо, почти до осязаемости, напомнив нашу последнюю встречу, когда, не поминая о близкой смерти, но чувствуя ее ледяное дыхание, он говорил:

— Эх, соломинку бы мне... Годок бы еще, хотя бы один только годок. Прозу писать надо. Много задумано. Наброски есть. Да и стихи тоже просятся... — говорил глуховато, уже с усилием. А к пиву тогда и не прикоснулся.

В Доме поэта, особенно летом, почти ежедневно бывают посетители. Тут скопилось несколько больших блокнотов с записями посетителей, так же как и в комнате-музее в Никольске. Кто только здесь не бывал за эти годы! И не только летом. Ни холод, ни дальность и трудность переездов не мешает тем, кто чтит память поэта. Москвич В. Наумов побывал здесь в самую глухую для Севера зимнюю пору, в январе, и вот что он записал: «В этой зимней, заснеженной, холодной избе — столько тепла! За окнами ветер и предвечерняя мгла, а тут, в горнице, — и тишина, и свет, и покой, и эти чудесные, чистые сосновые стены вокруг. Нет лишь Вас, дорогой Александр Яковлевич...»

Не буду цитировать записи из этих объемистых тетрадей, их много, они говорят о любви к поэту и несут

слова благодарности тем, кто бережно хранит память о нем, содержит в порядке этот дивный уголок земли и Дом поэта. Разве не трогательно и не знаменательно, что оставшиеся в живых выпускники Никольской средней школы 1941 года, собравшись через тридцать лет, всю группой отправились на Бобришный угор, чтобы увидеть своими глазами этот яшинский приют, чтобы почтить память земляка-поэта!

А что касается критика, то он везде и во всем ищет разгадку поэзии через разгадку личности художника и — наоборот. Бобришный угор — часть жизни Александра Яшина, целительный источник его нравственного здоровья. Не побывав здесь хотя бы однажды, не все поймешь, по крайней мере, не все почувствуешь в творчестве и жизни поэта. К аналитическому проникновению тут добавляется еще внутреннее, чисто эмоциональное восприятие всего, что уже читано и перечитано, и сопереживание обогащается новым содержанием. Еще раз убеждаешься в правоте гётевского утверждения, что по-настоящему понять художника можно только побывавши на его родине, то есть посмотревши и ощутивши обстоятельность, среду, в которых проходило формирование характера, становление личности, которая, наконец, питала его творчество.

Хорошо, что моим спутником оказался Вадим Каплин. Еще и после возвращения с Бобришного в зеленом дворике дома, где он живет, где наворочены кузова и оси старых автомобилей и еще какой-то железный лом, из которого Каплин хочет собрать, по-видимому, нечто вроде «Антилопы-гну», сидели мы на скамеечке и о многом переговорили. О многом, касающемся Яшина. Их действительно связывала многолетняя дружба. Александр Яковлевич любил надежных и верных друзей, таким для него был Вадим Каплин.

И если Каплина я воспринял как вроде бы душеприказчика Яшина здесь, на его родине, ибо ему поэт безусловно и во всем доверял, то Александру Александровичу Куваеву мы более других обязаны всем тем, что делается и сделано уже по увековечению памяти поэта. Просто необходимо изложить здесь документ, подготовленный Куваевым — постановление исполкома Никольского районного Совета депутатов трудящихся по этому вопросу, — чтобы показать, как любовно, береж-

но, тщательно, ревниво оберегается память Александра Яшина. Пример, достойный подражания!

Постановлением предусматривается:

— установление памятника-надгробия на могиле поэта на Бобришном угоре;

— проведение традиционного Дня поэзии — 11 июля, в день памяти Александра Яшина;

— введение школьного музея Яшина в Никольске, дома, где жил поэт в д. Блудново, и Дома поэта на Бобришном угоре, как единого мемориального комплекса в подчинение районного краеведческого музея;

— взятие под государственную охрану, как исторического памятника 1822 года, здания школы-интерната вместе с оградой и памятником Александру Яшину, установление охранной доски с соответствующей надписью;

— присвоение Никольской школе-интернату имени Александра Яшина;

— установление мемориальных надписей при въезде в д. Блудново и на здании начальной школы, где учился А. Я. Яшин (Попов);

— создание на Бобришном угоре и в его окрестностях Яшинского заповедника, благоустройство территории мемориальной зоны.

Здесь опущены некоторые подробности, но и так видно, сколь тщательно продуманы и разработаны мероприятия, связанные с увековечением памяти поэта. И это постановление уже в действии, по ряду пунктов оно уже выполнено или выполняется. Познакомившись с людьми, которые подготовили и приняли его к исполнению, можно с уверенностью сказать, что оно будет выполнено.

Комната-музей в школе-интернате содержится в образцовом порядке. Во дворе школы — памятник поэту. Честно говоря, на меня он не произвел сильного впечатления. Не видно в нем того корневого, мужицкого, что в яшинском характере было стержневым. Здесь он, с книжкой в руке, скорее напоминает земского учителя чеховских времен.

К сожалению, мне только на фотографии удалось посмотреть памятник-надгробие работы скульптора В. Михалева, там яшинский характер виден в лице, в пронизывающем взгляде из-под бровей, в плотно сжатых губах под усами.

В комнате-музее воссоздана обстановка рабочего кабинета писателя, представлены его личные вещи, портрет, посмертная маска, полка с книгами, фотографии. Вещи, которые окружали поэта. Вероятно, еще предстоит подумать о том, как, не разрушая представления о рабочей обстановке, об условиях творческого труда, развернуть на этой же небольшой площади экспозицию общественной и творческой деятельности писателя. Это намного усилит культурное и идейно-воспитательное значение музея.

Тетради с записями показывают, что музей не пустует, что здесь часто бывают и отдельные посетители, и целые экскурсии. Первый альбом открывается записью, сделанной вологодскими писателями, земляками Яшина, многие из которых, как птенцы из гнезда, вылетели из-под яшинского крыла. Как и в Доме поэта на Бобришном, тетради полны трогательных слов любви, благодарности и уважения к поэту, раздумий о жизни, о литературе, о поэзии. Есть в музее и уникальные документы. На один из них обратил мое внимание оказавшийся здесь в это время учитель Павлов. Это характеристика, данная Яшину неким А. Куваевым, однокурсником в педагогическом техникуме, на «взаимной» основе (по-видимому, Яшин писал характеристику на Куваева).

Но сначала несколько слов об Алексее Александровиче Павлове. Он не случайно оказался в комнате-музее Яшина, ибо вот уже несколько лет собирает все материалы, связанные с жизнью и деятельностью писателя здесь, на его родине, в Никольском районе. Когда мы познакомились поближе, я даже посоветовал Павлову написать книгу и показать в ней, какое отражение в творчестве поэта и прозаика Яшина нашли его родные места и земляки и как сам Никольский район и жизнь в нем изменились за эти годы.

Павлов, учитель по профессии, уходил было из школы, но сейчас, кажется, снова возвращается к своему любимому делу. Судя по рассказам о нем и по нашим с ним разговорам, он из правдолюбцев, человек с характером яшинского склада. Может быть, потому он такой ревностный поклонник поэта.

А характеристика, на которую обратил мое внимание Павлов, датирована 11 ноября 1928 года, когда Яшину было пятнадцать лет. Ее надобно привести пол-

ностью, с сохранением стиля, она стоит того. Товарищ Яшина, видимо, был приметливым человеком, из его характеристики мы увидим нечто весьма и весьма знакомое, в какой-то мере и форме проявившееся в характере уже зрелого Яшина.

Итак, характеристика: «Полный сил и энергии. Живой. Своей живостью в товарищеском кругу при разговоре создает расположение к себе, заставляя слушать, когда что-либо говорит. Говорит быстро, переживая известное настроенно, четко, ясно, не расплывчато. Слушает и других, но не всегда внимательно, хотя бы даже говорили ему и серьезное. Любит смех, особенно сатирический, со временем пускает сарказмы. Настойчивый, проявляет во всем большую силу воли. Сметливый, быстро соображающий и хорошо запоминающий. Интеллектуально сильный. Сильный и физически. Проявляет иногда, хотя редко, излишнюю самоуверенность. Довольно горд, самолюбив и самомнив. Дружить может с немногими, многие не терпят и не переносят его прямоты в разговоре, в действии, он подавляет своей фигурой, своим поведением, характером, внушает некоторый страх. Личность впечатлительная, с высоко развитыми чувствами».

Любопытнейший документ, прямо-таки находка для музея. Я спросил А. А. Куваева, заведующего роно, не родственник ли ему автор характеристики А. Куваев, но Александр Александрович ничего о нем не знает пока. Может быть, и просто однофамилец.

Прочитавши характеристику, я очень живо представил пятнадцатилетнего Яшина в среде сверстников и подумал вот о чем: ведь если сделать стилистическую правку, то, право же, эту характеристику можно принять за ту, возможную, которую человек куваевской искренности мог бы дать ему в шестидесятые годы. И второе, о чем я подумал: неплохо бы перенять у яшинского друга методику составления характеристик, чтобы они не напоминали клишированных заставок к личному делу.

Я не специалист музейного дела и, по-видимому, не заметил каких-то существенных недостатков в оформлении и экспозиции комнаты-музея А. Я. Яшина в Никольске. Впрочем, есть и видимые неспециалисту недостатки, и тем не менее мне не хочется сосредоточивать на них внимание, ответственные за это люди са-

ми понимают, что им еще предстоит сделать, и прилагают к этому немало усилий. Я увозил из Никольска ощущение, что здесь с любовью и гордостью чтут память земляка-поэта.

А на прощанье Александр Куваев пригласил меня к себе, и мы вместе прослушали магнитную пленку с записью вечера Яшина в районном Доме культуры, который, судя по всему, да и Куваев так припоминает, состоялся то ли в самом конце пятидесятих, то ли в самом начале шестидесятых годов.

Может быть, с точки зрения технической запись не совершенна, но она, во-первых, сохранила для нас атмосферу зала и всего вечера, со всеми его шумами, реакцией слушателей, вопросами и, во-вторых, передает, как менялось настроение и самочувствие самого Яшина в ходе вечера.

Начал он с извинений за то, что не совсем хорошо себя чувствует, пришел даже «с температуркой», и поэтому не сможет выступить в лучшей своей форме. Предупредил, что будет читать только «серьезные» вещи. И чувствуется, как поначалу держался скованно, сухо-вато. Так же сдержанно реагировал на чтение и зрительный зал. Контакт пока не налаживался.

То ли Яшина самого это уже задело, и он пошел на «обострение», то ли так само собой получилось, но когда поэт прочел два-три публицистически насыщенных стихотворения, которые всегда с эстрады звучат более веско и впечатляюще, зал сразу оживился, невидимая нить взаимопонимания и доверия проникла в публику, и Яшин стал постепенно настраиваться на эту волну. Он читал не одну публицистику, читал стихи-размышления, стихи о любви и — уже по просьбе слушателей — юмористические стихи. И про болезнь как будто забыл, вступая в разговоры со зрительным залом, перебивая себя же, свое чтение стихов пространными репликами, шутками, вопросами к руководящим работникам района, присутствовавшим на вечере. Словом, к концу он так «разогрелся», что пропала всякая неловкость, контакт с залом был полный, и вечер удался на славу.

А для меня это было еще одно «свидание» с Яшиным у него на родине, как бы нечаянно подслушанная встреча и разговор поэта с земляками. То я слышал его в писательской или, во всяком случае, в интеллигентской аудитории и читающим стихи, и выступаю-

щим в дискуссии, то в семинаре, которым я руководил в Литературном институте, и поэт был раскован, держался свободно, шутил, не щадил себя, когда дело касалось кое-каких его стихов, написанных в послевоенные годы, а тут особая, может быть, самая пристрастная аудитория и потому, что он для земляков — свой, и еще потому, что многое из написанного и прочитанного — о них, о Вологодчине, о родном крае.

Ни в коем случае не подозревая, что болезнь Яшина была «дипломатической», я все же убежден, что начальное волнение, и неловкость, и скованность, которые он испытывал на этом вечере, были в большей степени неловкостью и волнением экзаменуемого перед экзаменаторами. Когда Яшин почувствовал доброжелательство и расположение к нему «экзаменаторов», в нем возникло уже ответное чувство благодарности, он вошел в ту самую лучшую форму, которая дается при уверенности в успехе.

Может быть, и осмотр экспозиции имеет смысл заканчивать прослушиванием записей с выступлениями поэта (таких записей сохранилось немало): пусть в памяти тех, кто посетит комнату-музей Александра Яшина в Никольске, останется живой голос поэта.

Источник: Михайлов А. А. Дом поэта / А. Михайлов // Северная тетрадь : о родном крае, о литературе, о товарищах, о себе / А. Михайлов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Архангельск, 1980. – С. 218–239.